

НА ПРОСТОРАХ РОДИНЫ

Рассказы

ТИХИЙ ИЕРИХОН

Горнист подмосковного пионерлагеря «Красная сосна» проснулся, как всегда, первым. Стараясь не шуметь, чтобы ребята в палате еще немного поспали, прибрал кровать, оделся и пошел в заветную комнату, где хранились галстуки, мячи, бюсты, знамя и длинный бронзовый горн — труба для режимных сигналов. Пионеры знали: кто разбужен зорькой, сыгранной на ней, весь день бодр, и если видел дурные сны, то вскоре их забывал.

В заветной комнате горнист достал с полки инструмент, аккуратно протер его тряпкой. Трубить следовало на холмике посреди лагеря, там удобно, побудка хорошо слышна всем отрядам.

Возле второго корпуса он обошел большую лужу — ночью был дождь — и поднялся на холмик, думая: «Сейчас коллектив выбежит на зарядку, и Верка опять, наверно, мне улыбнется».

Горнист давно ее приметил, только познакомиться не мог, боялся — вдруг засмеет? Да еще и подругам расскажет.

Во всей июльской смене Верку дружно признали самой красивой девочкой. Смуглая и зеленоглазая, бойкая, она многим нравилась, даже одному вожатому, но горнист перед другими ребятами преимущество имел — дудеть зорьку, обед и отбой было почетно. Некоторые ему даже завидовали и говорили, что трубить легко... Нет, делается это с чувством, побудка особенно. Надо сосредоточиться, представить, как летит трубный глас по стране, и в каждом пионерлагере отзываются другие горнисты, как зорька над полями-лесами, над родными просторами реет, всех-всех будит, от маленького зверька до генерального секретаря партии.

Горнист стоит на пригорке, понимает: «Все, пора Верке открыться. После зарядки, в столовой. Нельзя дальше страдать. Я, конечно, ответственный пионер, так ведь не железный. Даже вожди, говорят, влюблялись». Какими словами объясняться — он не знал, чувствовал только, что надо унять страх и сделать решительный шаг, несмотря на возможный позор.

Он поправил галстук и затрубил. Умолкли птицы в роще за спортплощадкой, и небо застило наплывшими с запада тучами. Горнист удивился, но доиграл побудку.

Солнце, казалось, передумало вставать, повисло в стороне, растекшись над лесом багровой мутью. Пионеры на зарядку не выбегали, а жилые корпуса лагеря стали ветшать на глазах: отслаивалась штукатурка, со звоном сыпались стекла. Облез и накренился гипсовый вождь возле столовой с заколоченной дверью, плац для линеек зарос крапивой и лопухами, гранитный геройский стенд в ельничке у ворот — дачниками раскурочен.

Горнист осмотрел отчего-то потускневший горн... Сам натирал до солнечных зайцев, а труба вдруг поблекла, прозеленью изошла, будто много лет за нее не брались.

Холмик под ногами тоже вроде просел. Горнист спустился на асфальтовую дорожку, пошел к распахнутой двери корпуса четвертого отряда... А там пол местами прогнил, валяются ржавые кровати, тряпье, белая краска на потолке изогнулась лоскутами; унитазы в уборной разбиты — торчат розовые керамические остоны.

— Вер, Ве-ерка, — позвал горнист, силясь не заплакать. — Есть тут кто?

Только сквозняк шелестит на полу желтыми страницами рваной политиздатовской книги.

Соображать, что делать, оказалось больно и трудно. Еще надеясь дозваться кого-нибудь, он громче крикнул в сырую пустоту здания:

— Ребя-ята! Э-эй, ребята!

Не отвечают.

Сел на пол, прислонясь спиной к сырой шершавой стене, положил трубу рядом.

Зябко. Обхватил колени руками.

Сыпанул дождь. Частый стук капель о жёсть подоконников. Противно каркнула ворона...

Горнист заплакал, но, подумав, что Верка удивится, если узнает о такой его нетвердости (ведь должен быть смелым пионером, а раскис), немного успокоился и понял: надо выбираться из развалин.

С дороги оглянулся на голубые металлические ворота «Красной сосны», утер нос и пошел.

Он помнил, как детей везли в лагерь: автобус свернул с шоссе, потом был поселок, за ним — минут через десять — совхоз «Восход». На обочине еще кирпичный указатель стоял, а над названием совхоза расходились алые лучи из крашеной арматуры.

Решил идти, пока не встретятся люди. Тогда можно спросить, как домой попасть.

Вскоре промок. На белых гольфах расплылись грязные пятна, сырые шорты и майка не грели. Лес по обеим сторонам дороги шумел в вершинах, дождь то стихал, то накрапывал.

Горн под мышкой холодил бок. Бросить его жалко, все же не простая труба. Тяжела только, мешается, да без горна он уже не горнист, так, невесть кто.

Остановился протрубить зорьку. Вдруг бодрее станет?

Труба не действовала. Потопал дальше, хлюпая сандалиями.

Когда дождь кончился, идти стало легче, прибавилось сил. Захотелось пить. Выбрал на обочине лужу попрозрачнее, с камешками и темной листвой на дне, опустился перед ней на колени... Увидев свое отражение, горнист догадался, что взрослеет. Мальчишеское лицо огрубело, пушок на подбородке отвердел настоящей щетиной, а шорты треснули, когда вставал. Тесные сандалии скинул и грязные гольфы стянул. Так удобнее. Бронзовая труба стала меньше.

«Расту, — подумал он. — А что толку? Даже до совхоза еще не добрался».

Думалось горнисту теперь тоже по-взрослому, он ощутил, как умнеет, как отяжелела голова. Осмотрелся внимательно, стоя у лужи: что еще неведомо? Сосчитал молодые елки на обочине слева. Получилось восемнадцать штук.

На повороте, за которым дорога снова тянулась до горизонта серой асфальтовой лентой с лесом по краям, в кустах зашумело, послышался треск ветвей.

Горнист остановился, перехватил трубу за конец, чтоб, если лихие люди, инструментом разить. Ведь ограбить могут... В заднем кармане шорт лежат десять рублей. Родители с собой дали, отправляя в лагерь. Достал вдвое сложенный красный червонец, зажал в кулаке.

За деревьями — возня, потом, раздвинув мокрые кусты, на дорогу выбрался долговязый парень в спортивном костюме, с большим зеленым ящиком на ремне через плечо.

Где-то горнист его видел...

Долговязый подошел, протянул руку:

— Привет, горнист, вот и встретились. Помню, помню, как ты в детстве трубил, — он поставил ящик на дорогу. — А че босиком чапаешь?

— Так, из сандалий вырос, — сказал горнист и вспомнил, что это Леха, тот самый Леха, вместе в отряде были, дружили. Втайне от вожатых бегали вечерами на реку купаться, покуривали, и оба еще в Верку влюбились.

— Леха, а я не признал сразу! Ты вон какой вымахал, выше меня на голову. Сколько лет...

— Прошло, — согласился Леха, озираясь. — Вот, заплутал маленько. На болото сунулся, а там лесные дела, все поделено, — он задумчиво стряхнул с куртки налипшие листья. — Крутился тут, в роще, потом... Да ладно, чего там. Пора мне за ум братья, выходить на прямую дорогу. Теперь вместе пойдем. Ты-то здесь какими судьбами?

— Оттрубил побудку, а все и развалилось.

— Бывает, — вздохнул Леха. — Смотрю, ты с горном не можешь расстаться?

— Выкинуть жалко.

Горнист обрадовался встрече. Глядя на Леху, вспомнил детство, лагерь, Верку. Отлегло немного на душе, он заметил, что вокруг не так уж и мрачно. Природа, воздух лесной.

— Как там Верка, не знаешь? — спросил он.

Леха подумал, улыбнулся кисло, поскреб затылок:

— В службе досуга работает. Дурная стала, с черными якшается.

Горнист посмотрел рассеянно в даль, где просветлело малость, и голубой клочок неба открылся.

Леха поднял ящик, и они пошли.

Вскоре лес поредел, потом кончился. По сторонам дороги — необъятное поле, в сухой траве круглятся свежие пни.

— Вон, глянь, — Леха кивнул на ворох опилок у обочины. — Лес тут был знатный, со всеми благами, а теперь пустошь. Не растет ничего.

— А деревья где? — удивился горнист.

— На финскую бумагу пустили. Знаешь, гладкая такая, хорошая. Главное — почти задаром. В обмен на спирт и диковинки. Давай-ка остановимся, сигнал надо передать.

— Это как?

— Очень просто, — Леха поставил свой ящик на дорогу. — Мы вместе идем, поэтому должны регулярно посылать сообщения Будущему Контролеру.

— Зачем?

— Чтоб Контролер не обиделся, — и Леха снял зеленый брезентовый мешок с ящика, оказавшегося военной рацией. — Все следует обстоятельно докладывать.

Он включил аппарат, покрутил блестящую ручку настройки и вдруг заорал в слуховую трубку так, что горнист вздрогнул:

— Меня слышно?! Нормально?! Горниста встретил! Да, с трубой! Идет! Ботинок у него нет, босиком чешет. Надо бы выдать... Как кончились?! Да нельзя же, осень на носу!

Горнисту неловко стало оттого, что босота его претит Контролеру, он жестом показал: не надо, дескать, ботинок, переживу.

Леха не обратил на это внимания и продолжал надрываться:

— Да!.. Да!.. Да нельзя без обуви! Будет?! Когда? Мертвец?! Отлично! Нет, погоди, тут лес вырубili... Ага, весь!..

После сеанса связи, пряча рацию обратно в мешок, Леха сообщил радостно:

— С мертвеца снимем. Яловые. Ну что ты глядишь? Контролер сказал: мертвый там, дальше, будет лежать. Зачем ему сапоги? А тебе и штаны с курткой нужны... Оденешься. Крепись, друг.

— Кто этот Контролер? — спросил горнист.

— Оплот трудящихся. Толковый начальник, его единогласно избрали контролировать.

— Может, не надо с трупа сапоги снимать? — усомнился горнист. — У меня деньги есть, купить можем. Вот, смотри.

— Разве это деньги? — хмыкнул Леха. — Поздно на такие отовариваться. Сменили их, понял? Брось свой чирик, не пригодится.

Горнист смял десятку, кинул в траву. Вспомнил родителей.

— Знаешь, Леха, мне бы до дома... родные, поди, волнуются, — сказал он.

— Нет у тебя родителей, — как-то глухо отозвался Леха, — никого у тебя нет. Один ты. Я не в счет. Дома у тебя тоже нема. Вот. Мы с тобой пойдем дальше, сигналы будем отсылать Контролеру-Оплоту, а там, глядишь, жизнь наладится.

Горнист помрачнел. «Как так — совсем один?.. А родители... Понятно, одни родятся, другие, значит, того... Я уже взрослый, — думал он. — Все равно что-то не так... Может, знаний у меня мало?»

— Леха, а я умный? Скажи честно.

— Все умные, каждый на свой манер. Ты играть умеешь. Давай, смузицируй обеденный перерыв, пора.

Горнист протрубил, и Леха достал из-за пазухи пакетик с сырными бутербродами.

Перекусили. Пошли дальше. Горнист считал кучевые облака и пни в поле, а Леха рассказывал ему, как по лесу бродил, как женился рано и неудачно. Поведал также о выборах Оплота трудящихся. Как массы изнемогли, стихийно организовались, с поправкой на иное житие, и выдвинули Оплота в Контролеры. Оказалось, Леха с Оплотом на короткой ноге, знаком еще по лесным мытарствам, поэтому при передаче сигналов не церемонится.

Горнист даже порадовался тихонько: с Лехой теперь не пропадешь. Ну а если пропадешь, то не сразу.

Домой больше не тянуло. Зачем, если нет там никого?

Впереди, в поле, показались избы с заколоченными окнами, стоящие вразброд, без порядка... Возле одной — пасется серая коза с умными глазами. Когда горнист с Лехой приблизились, она перестала траву драть, голову подняла и глядит.

Решили в эту избу зайти, узнать, есть ли хозяин, чтобы доложить Оплоту-Контролеру. «Он все должен знать, — сказал Леха, — для нашего же блага. Мы ведь тоже трудящиеся, по-своему».

Горнист поднялся на ветхое крыльцо, постучал.

Не отзываются. Толкнул дверь и напугался. В сенях — большими яловыми сапогами к порогу — лежит тело в немецком мундире времен Отечественной войны.

— Леха, тут такое!.. — крикнул горнист на улицу.

Вошел Леха, осмотрел мертвеца.

Черная форма с серебристыми нашивками в виде орлов и молний. Лицо покойника надменно. Массивная челюсть, белесые глазищи открытые. На груди — записка. Леха взял листок, прочел вслух: «Получай, фашистская сволочь, будешь знать, как в «Макдоналдсах» жрать булki, получай, падла, за то, что нас пугал. Рязанские скауты».

— Кто? — не понял горнист.

— Скауты, это вместо пионерии. Им повадки фрицевы не по душе, особенно походка — строевым шагом. Давай, тяни с него сапоги, — и Леха ухватил тело за грудки, чтоб не ползло по полу.

Горнист стащил с покойника обувку, надел сам. Китель его тоже надел, поверх майки. Осталось только треснувшие синие шорты сменить на портки. Но брюки с фашиста снимать не стали.

— Его упреками доконали, видишь, ран на теле нет, — сказал Леха. — Надо Оплоту-Контролеру доложить.

Радио внесли в избу.

Настроились.

Доложили.

Изба пуста. Только в красном углу вместо икон стоит старая швейная машинка «Зингер» с педальным приводом. Не ясно, кто жил здесь. Может, фашист (он неприхотлив), может, еще кто.

— Пойдем, — сказал Леха, — у нас впереди много всего, нечего тут с мертвецом сидеть.

Отошли от избы метров на двадцать.